

Дочь Змеи

Хроники
темных
времен

МИШЕЛЬ ТЕЙВЕР

Хроники темных времен

Мишель Пейвер

Дочь змеи

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Пейвер М.

Дочь змеи / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Хроники темных времен)

ISBN 978-5-389-22442-1

Два года они прожили в Лесу втроем: Торак, Ренн и Волк. Но однажды Ренн узнала, что Тораку грозит опасность – и что источник этой опасности скрывается в ней самой. Таинственное исчезновение Ренн заставляет Торака и Волка отправиться на Дальний Север, в край горячих источников и ледяных скал. Там их ждут встречи с мамонтами, белыми медведями, моржами, племенем Нарвала и страшным противником – демоном в человеческом обличье. Спустя пять лет после публикации шестого романа «Хроники темных времен», который Мишель Пейвер считала заключительным, она все же решила вернуться к любимым героям! Впервые на русском!

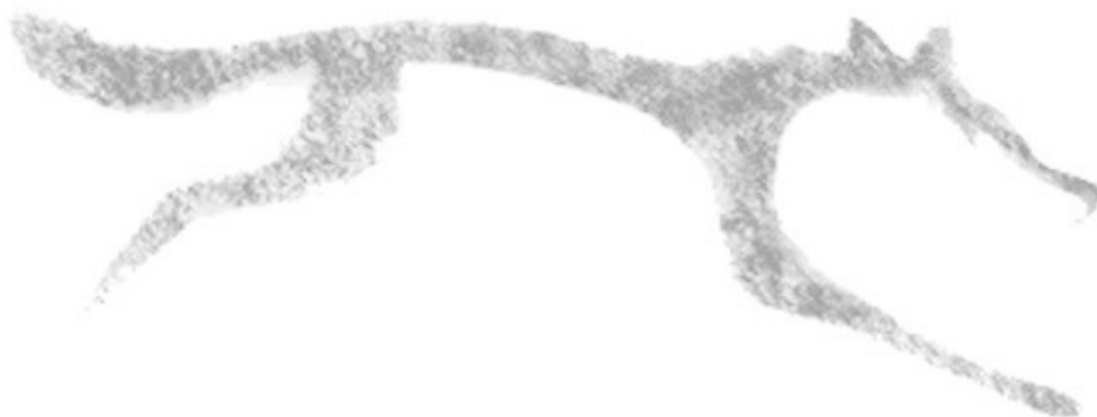
УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-22442-1

© Пейвер М., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мишель Пейвер

Дочь змеи

Michelle Paver

VIPER'S DAUGHTER

Text copyright © Michelle Paver 2020

Illustrations copyright © Geoff Taylor, 2020

All rights reserved

© И. Б. Русакова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2022

Издательство АЗБУКА®

От автора

Мир Торака и Ренн существовал шесть тысяч лет назад, после ледникового периода, но до того, как земледелие распространилось по Северо-Западной Европе. В те времена на этих землях был сплошной лес.

Люди выглядели, как мы с вами, но их образ жизни существенно отличался от нашего. Они жили небольшими племенами. Некоторые племена оставались на стойбищах по несколько дней, некоторые по несколько месяцев, а некоторые жили на одном месте круглый год. У них не было письменности, железа или колеса... но им это и не требовалось, они отлично умели выживать. Они все знали о животных, о деревьях, о растениях, о камнях. Когда им что-то было нужно, они знали, где это взять или как сделать.

Как и в предыдущих книгах этой серии, действие «Дочери змеи» разворачивается в северной Скандинавии. Природа, с которой сталкиваются во время приключений Торак и Ренн, схожа с природой этого региона, так же как и сезонные колебания продолжительности светового дня.

Однако я изменила горы, реки и береговую линию, подстраивая их под свою историю, то есть вы не сможете найти на современных картах Дальний Север или Лес.

Закончив «Хроники темных времен», я была уверена, что никогда не возьмусь писать сиквел. Но странное дело – Торак, Ренн и Волк не ушли от меня навсегда. Спустя несколько лет мне стало интересно, что с ними случилось после того, как закончилась финальная книга.

По стечению обстоятельств я проводила короткий отпуск в Северной Норвегии. И вот однажды, когда я бродила по заснеженному лесу, в голове забрезжили кое-какие идеи. В тот вечер я увидела свет, указывающий на север...

Собирая материал для этой истории, я побывала на далеком Чукотском полуострове; по площади он больше Франции, а населяет его всего несколько тысяч человек, и там совсем нет дорог. Оттуда на ледоколе через Берингов пролив отправилась на остров Врангеля – последнее место обитания шерстистых мамонтов. Когда-то этот остров был частью Берингии, земли, которая соединяла Азию и Америку. Остров Врангеля никогда не подвергался воздействию ледников и поэтому с тех пор мало изменился. Я удивилась, обнаружив там богатую растительность, разнообразные ягоды и грибы. И в высохшем русле реки мы набрали на торчащий из земли бивень мамонта.

В начале двухтысячных, только начиная эту серию, я не сознавала, что мамонты могли жить на острове Врангеля во времена Торака и Ренн. Так же как не знала о том, что мамонты с острова Врангеля меньше их предков с материка. Останки крупных мамонтов, живших шесть тысяч лет назад, выкопали на островах Прибылова. По этим причинам я решила, что Торак, Ренн и Волк в «Дочери змеи» вполне могли повстречаться с мамонтами.

Когда мы приплыли на остров Врангеля, я обследовала бухты и в каждой замечала следы белых медведей... и часто замечала самих медведей. Как Торак, я сидела в лодке (в моем случае это был «зодиак»); случайно глянула вверх и обнаружила, что на меня с вершины скалы смотрит белый медведь. Я видела, как один медведь поднялся из укрытия на берегу и вошел в воду. И не раз убеждалась в том, как трудно отличить, где плавник, где волна, а где голова белого медведя.

Историю о том, как Торак отгонял медведицу, имитируя стук бивней моржа о камни, я тоже не придумала. Этот трюк изобрели русские ученые на острове Врангеля; он так отлично работает, что они за последние сорок лет ни разу не выстрелили ни в одного белого медведя.

Как Торак с Ренн, я видела белую сову, которая без единого взмаха крыльев зависла в небе, когда ветер был такой силы, что едва не сбивал меня с ног. Я плавала на веслах под отвес-

ными скалами с гнездовьями морских птиц, видела своими глазами белых гусей, мускусных быков, моржей и морских зайцев.

В Беринговом проливе я видела множество китов и, как Ренн, чуть не столкнулась с горбатым китом. Я стояла на палубе, а кит всплыл очень близко от носа корабля – я даже испугалась, что мы его пораним. К счастью, обошлось. Но в какую-то незабываемую минуту он карими глазами посмотрел прямо на меня.

И остров птиц тоже не моя выдумка. В Беринговом проливе мы проплывали мимо огромного «острова» птиц с короткими хвостами, которые питались поднятым китами крилем. Остров состоял из тысяч безголосых птиц, и никто на борту, даже наши гиды, никогда не видел ничего подобного.

Подробности жизни племени Нарвала я взяла из культуры чукчей. Они разрезают шкуру моржа (толщиной шесть сантиметров), и делают из этих кусков прекрасные лодки, и охотятся на гусей с помощью «летающих камней» (болас). И еще они очень жестко относятся к детям, чтобы те могли выживать в суровых условиях Арктики. Как Торак, я жевала терпкую толстянку (roseroot – родиола розовая, золотой корень) и блестящее черное копченое мясо кита. Но от кивяка (так он произносится) в Гренландии отказалась.

На описание Вайго меня вдохновило заброшенное эскимосское поселение Наукан на мысе Дежнева. Там я забиралась на крутые зеленые склоны, увенчанные арками китовых челюстей, и видела, как перекачивается морской туман.

Множество других деталей, таких как крюк Наигинна для ловли палтуса и прием с вырезанием меток под шляпками грибов, я подсмотрела у народов Хайда и у тлинкитов, когда посещала Аляску и архипелаг Хайда-Гуай в Британской Колумбии.

Описание вулканического ландшафта Дальнего Севера взято из моих путешествий по Исландии и на Эолийские острова недалеко от Сицилии, где я изучала желтую шипящую фумаролу и забиралась на действующий вулкан Стромболи.

И на Чукотке, рыская вдоль горячих источников с сернистым запахом, я заметила плавающих в воде практически сваренных рыб.

Чтобы описать ледяную пещеру, я забралась в огромную пещеру под ледником Менденхолл рядом с городом Джуно.

(Кстати, люди, которые жили в поселении Наукан, – не чукчи и не инуиты, они всегда называли себя эскимосами и до сих пор называют).

Вход в пещеру был опасно нестабильным, надо было выждать, пока гид не подаст знак, а потом стрелой метнуться внутрь. Если бы я не испытала это на собственной шкуре, не смогла бы представить, как ревут потоки воды, как давит своей массой ледник, да и саму потусторонне-синюю пещеру.

Что касается волков, я была спонсором «UK Wolf Conservation Trust» со дня выхода книги «Брат мой Волк» в 2004 году и вплоть до 2018 года, когда его закрыли для посетителей и волки отправились на заслуженный отдых.

За эти годы я полюбила все слабости и пунктики волков, узнала, какие они все разные, что и вдохновляет меня на написание новых книг.

* * *

Теперь я должна поблагодарить отдельных людей, включая экипаж и гидов круизного судна ледового класса «Профессор Хромов», на котором я путешествовала от Анадыря до острова Врангеля в 2015 году; «Айленд роумер», плавающая на котором я исследовала Хайда-Гуай; «Уилденис эдвенчурер», находясь на борту которого я посетила национальный парк «Внутренний пролив и Ледниковая бухта» на Аляске.

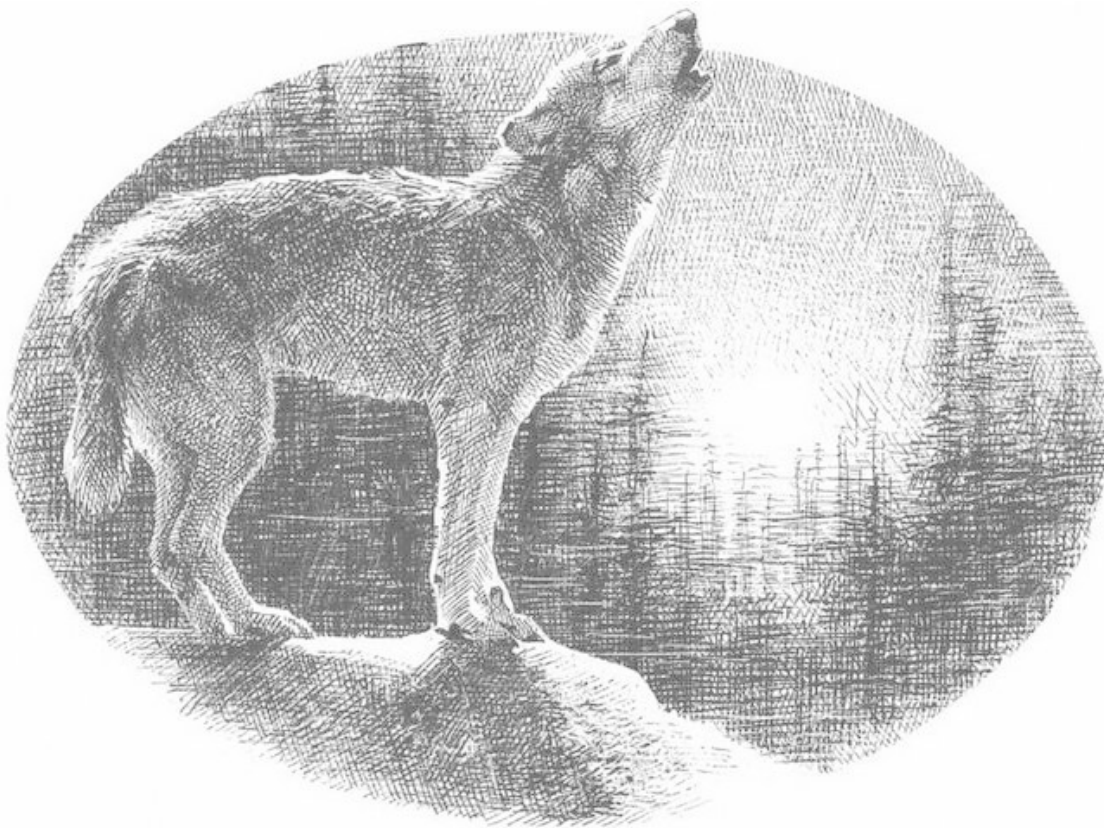
Было счастьем снова работать с двумя художниками, которые создали прекрасные книги «Хроники темных времен». Хочу поблагодарить Джеффа Тейлора за экспрессивные и наглядные иллюстрации к каждой главе и за карты и Джона Фордема за потрясающий дизайн обложки.

Как всегда, отдельные благодарности моему агенту Питеру Коксу за неиссякаемый энтузиазм, за веру в эти истории, за безоглядную поддержку и оригинальное мышление. И наконец, благодарю Фиону Кеннеди, моего чудесного редактора и издателя, которая с самого начала дышит миром Торака. Без ее таланта, профессионального подхода и преданности делу я бы никогда не замыслила «Дочь змеи».

*Мишель Пейвер
Лондон, 2019*

Глава 1

Торак достал из колчана стрелу, и тут же рядом с его головой пролетела летучая мышь. Волк поднял морду и принялся глянуть на Торока, потом посмотрел в сторону зарослей: «Там».

Они пробирались между кустами ольхи. Торак с плеском шел по колено в черной воде, Волк скользил бесшумно. Торак сорвал с ветки красно-коричневый волос – грубый и ломкий. У лосят именно такие. Значит, мать-лосиха, перед тем как пойти покормиться, спрятала детеныша в зарослях.

Торак глянул через плечо на озеро. Лоси умеют плавать глубоко под водой. Лосиха могла быть где угодно, возможно – нырнула, чтобы с корнем вырвать языком стебли кувшинок.

Волк направил уши вперед и замер с поднятой лапой. В полумраке зарослей Торак различил темный силуэт лосенка.

Лосенок нетвердо стоял на ногах и тихо хныкал. Ростом он был с лошадь, так что легко мог ударом копыта расколоть Тораку череп.

Как только Торак наложил стрелу на тетиву, Волк предупреждающе коротко фыркнул. И тут же из озера, вспенивая воду и ударяя по воздуху копытами, вырвалась лосиха. Торак увернулся, а она протаранила головой ствол ольхи. Волк прыгнул и вцепился клыками в отвислый нос лосихи. Она подняла его еще выше, он не разжимал челюсти. Торак не мог выпустить стрелу без риска попасть в друга. Лосиха мотнула головой, Волк взлетел в воздух и, приземляясь, ударился о дерево. Торак бросился к нему, а лосиха с детенышем исчезли в Лесу.

Волк встал, покачнулся и завил хвостом. А Торак нервно рассмеялся, представив, как Ренн, узнав о том, что его чуть не забодала насмерть лосиха, скажет: «А мог бы и схлопотать!»

Выбираясь из зарослей, Торак увидел группу охотников из племени Ивы. Две женщины и двое мужчин несли разрубленную на четыре части тушу самца косули.

Волк, как обычно при появлении чужаков, растворился в Лесу, Торак же в знак мирного приветствия приложил кулаки к груди. А потом, повинаясь порыву, решил спросить, не встречали ли они его подругу.

– Ренн из племени Ворона, – крикнул он, – ходила навестить своих, сегодня возвращается.

Мужчина повернулся к Тораку. В сумерках была отчетливо видна татуировка его племени – три листа ивы над переносицей; из-за нее казалось, что охотник постоянно хмурится.

– Видели ее пару дней назад, – крикнул он в ответ. – Далеко вниз по реке.

– А, тогда это не она. Стойбище Воронов выше по реке.

Теперь охотник уже по-настоящему нахмурился:

– Я знаю, что вижу. Рыжие волосы, ее дядя Фин-Кединн, вождь племени Ворона. Позапрошлым летом она сошлась с парнем с блуждающей душой. Этот парень умеет говорить с волками, и этот парень – ты.

Сказав это, охотник прищурился и прикоснулся к костяному амулету на груди длинной, до колен, кожаной безрукавки. «Держись подальше».

– Похоже, она собралась в дальний путь, – с усмешкой громко сказала женщина. – Плыла на каноэ, с собой сумка и спальный мешок.

Торак ошетинился:

– Тогда это точно не она.

Женщина хихикнула:

– Может быть, ты ей надоел.

И они со смехом пошли своей дорогой.

Добравшись в темноте до стоянки, Торак все еще был раздражен. Его не ждал костер, и не ждала Ренн.

Волк и Темная Шерсть еще не вернулись с охоты, его встречали волчата. Младшие прыгали на грудь и, громко поскуливая, выпрашивали еду. Старший, Камешек, приветствовал с некоторого расстояния, он серьезно относился к своей обязанности присматривать за младшими и редко расслаблялся.

В шалаше Торак обнаружил, что двойной спальный мешок лежит на месте и почти не смят. Тут ему стало беспокойно. Стоял месяц Морошки, в это время река в некоторых местах забита лососем, а лосось означает медведей.

Ренн как-то сказала, что Торак слишком уж волнуется из-за медведей. Он ответил, что, если бы ее отца убил медведь, она бы тоже из-за них волновалась.

Ладно, Ренн способна о себе позаботиться, лучше нее в Лесу никто из лука не стреляет. И она разозлится, если он пойдет ее искать.

Поднялся ветер. В лицо, словно летний снег, летел цветочный пух. Беспокойно покачивались сосны, они знали: что-то не так.

Торак был отличным охотником, но в преследовании дичи он особенно хорош и даже при свете звезд сумел найти следы Ренн трехдневной давности. Его сразу встревожило то, что следы вели не в долину, к стойбищу ее племени, а вниз к реке Колочая Слива, где они с Ренн держали каноэ.

Каноэ исчезло. Следы волочения и сломанные ветки указывали на то, что Ренн поплыла вниз по реке. В точности, как сказал охотник из племени Ивы.

Ренн отправилась в дальний путь. На каноэ с сумкой и спальным мешком.

Нет, все не так. Ренн не могла так поступить. Ей пришлось бы держать сборы в секрете. На то, чтобы оскоблить оленью кожу и сшить спальный мешок, и на то, чтобы сплести сумку из ивовых прутьев, требуется много времени. Значит, она обманывала его не один день.

Нет, нет, этого не может быть. Ренн не стала бы его обманывать. И она не оставила бы его, не сказав ни слова.

Но она это сделала.

* * *

Много Света и много Тьмы назад, когда Волк был волчонком, его отец и мать с братьями и сестрами утонули в ужасной Быстрой Мокрой. Волк был напуган и голодал, пока не пришел Большой Бесхвостый. С тех пор они стали братьями.

Большой Бесхвостый – не настоящий волк. Он ходил на задних лапах, и у него не было ни шерсти, ни хвоста, но у него – душа и сердце волка, и он – член их стаи. Они вместе охотились на их первого оленя. Они бились с демонами и еще много с кем. Они нашли себе подруг. Но Волк, хоть и жил одним дыханием со своей подругой и волчатами, всегда знал, что его долг быть рядом и защищать Большого Бесхвостого.

Когда они с подругой трусцой вернулись с охоты к логову, Горячий Яркий Глаз уже поднялся в небо. Их животы были набиты лососем. Волчата сразу принялись напрыгивать на них и лизать в носы: «Я первый! Я первый!» Потом, толкаясь, жадно ели вкусную рыбу, которую срыгнули родители, а, наевшись, легли в кучу и провалились в сон.

Темная Шерсть лежала на брюхе, положив морду между передними лапами, даже старший волчонок задремал, а вот Волку было беспокойно. Что-то было не так. Да еще стонали охранявшие логово сосны. Что они чувствовали?

Вскоре и Волк это почувствовал. Тень и угрозу. Какое-то существо, которое не принадлежало этому Лесу. Волк не чуял демона, но старые раны на боках запульсировали, и стало ясно (временами он ощущал такую странную уверенность): он нужен Большому Бесхвостому.

Волк бежал вверх по склону. У него был острый слух – он слышал, как рысь точит когти в соседней долине и вдалеке за много-много прыжков дерутся два жеребца.

Но где же Большой Бесхвостый?

Он свернул, чтобы не столкнуться с медведем, который разрывал муравейник. Медведь полоснул когтями, но Волк легко, даже издевательски легко увернулся. Он не боялся медведей. Он вообще ничего не боялся. Боялся только потерять брата по стае.

На самом краю утеса резко остановился.

Далеко внизу между камней шипела и пенилась Быстрая Мокрая. Большой Бесхвостый плыл верхом на бревне и отталкивался палкой от Мокрой.

«Подожди меня!» – пролаял Волк.

Но брат по стае не ответил, у него был не такой острый слух, как у волков.

Тогда Волк задрал голову и завыл: «Подожди меня!»

Большой Бесхвостый завыл в ответ: «Возвращайся в логово! Ты не можешь пойти со мной!»

«Подожди!»

«Ты не можешь!»

Волк оторопел. Большой Бесхвостый покидал стаю?

Покидал Волка?

Поскуливая, он забегал кругами. Ни один волк не покинет свою стаю. Большой Бесхвостый не мог их оставить. Но и Волк не мог уйти за ним, он должен заботиться о подруге и о волчатах.

Но он нужен Большому Бесхвостому. Волк не знал, что делать.

Из высокого папоротника появилась Темная Шерсть, от быстрого бега вверх по склону у нее тяжело поднимались бока.

«Иди, – сказали ее яркие глаза. – Мы со старшим будем по очереди охотиться и присматривать за младшими».

Волк подбежал к Темной Шерсти. Они коснулись друг друга носами.

«Я вернусь».

«Я знаю».

Волк не мог найти поблизости спуск с утеса, а Быстрая Мокрая уносила Большого Бесхвостого все дальше. Пришлось бежать вдоль обрыва. Он перепрыгивал через поваленные стволы деревьев, расплескивал лужи в заболоченных местах... и все больше отставал.

Отчаявшись, он подошел к самому краю обрыва и заскользил вниз, вбиваясь когтями в землю и подминая под себя кусты терна.

Быстрая Мокрая унесла Торака за поворот.

Волк не удержался и кубарем полетел вниз.

* * *

Волк уже давно остался позади, но его полный боли вой все еще звенел у Торака в ушах. Ему до смерти не хотелось бросать Волка, но он не мог просить брата, чтобы тот покинул Темную Шерсть с волчатами, а они тоже не могли пойти с ним. Чтобы не потерять возможность найти Ренн, двигаться надо было как можно быстрее.

Если бы только он мог все объяснить Волку, но как это сделать, если сам ничего не понимал?

Обнаружив, что каноэ пропало, Торака сразу пошел по густому лесу вдоль реки в том направлении, куда поплыла Ренн. Возвращаться на стоянку смысла не было, все необходимое для выживания – топор, нож, лук со стрелами, праща, кожаная фляга с водой, трут и кремь в кисете, приспособления для починки одежды и рожок с целебными снадобьями – он всегда носил с собой.

Быстро по зарослям вдоль берега не пройдешь, поэтому, наткнувшись на небольшой отмели на долбёнку кого-то из племени Кабана, Торака, не задумываясь, ее взял. Кража лодки такой же плохой поступок, как кража топора, но Торака решил, что загладит вину позже.

Неповоротливая долбёнка не шла ни в какое сравнение с проворной лодкой из оленьих шкур, которую Торака сделал для Ренн.

Временами ему приходилось грести через гущу лосося, на отмелях было не продохнуть от протухшей рыбы, и – воронов не сосчитать. Но Рипа и его подруги Рек там не было. Торака надеялся, что они полетели с Ренн – вороны осторожные, всегда подадут знак о приближающейся опасности.

Еще ему попадались медведи, но они были слишком увлечены пиршеством в светлую летнюю ночь, так что из-за них волноваться не стоило. Семейство выдр, заметив Торака, встало на задние лапы, их мех блестел от рыбьей чешуи. У Торака кольнуло сердце – точно так же блестело дыхание Волка, когда он охотился на лососей.

На рассвете Торака нашел бухточку, где Ренн останавливалась на ночлег. Это он понял сразу, увидев крошки кремня в месте, где она затачивала наконечники стрел. Да и следы ее ног он знал, как собственные.

Следы заполнила дождевая вода, по оставшемуся от костра пеплу пробежала лиса. Ренн заночевала здесь две ночи назад и даже не подумала замести следы. Она знала: Торака отличный следопыт и разными уловками его не провести.

Или она хотела, чтобы он за ней пошел? Может, она оставила знак? Они, когда разлучались, иногда поддерживали связь, оставляя метки снизу шляпок грибов-копыт, там мякоть была белая, метки быстро становились коричневыми и никогда не бледнели.

Торак нашел на трех стволах деревьев много грибов, но меток ни на одном не обнаружил. Рассеянно потер шрам на предплечье.

Куда он смотрел? Метка Ренн кричала ему с валуна на мелководе! Белая, нарисованная мелом, лапа ворона указывала в направлении вверх по реке.

«Поворачивай назад».

«Найди самку Белого Ворона».

Торак закусил губу.

Зачем просить его отыскать их друга Дарка?

Все бесполезно, Ренн могла быть где угодно. Она могла спрятать каноэ и пешком пойти в любую из бесчисленных долин Открытого Леса, или к озеру Голова Топора, или в Глубокий Лес, или в Горы, или к Морю.

Не узнав, почему она ушла, он будет искать ее вслепую.

Торак начал злиться.

Хватит, Ренн, это не смешно.

И все-таки он решил следовать оставленной Ренн метке.

Грести против течения – работа нелегкая, так что к концу дня у него онемели до судорог плечи. Туман заполнил долину. Между сосен заползли сумерки. Торака знобило, от жилетки и штанов до колена из кожи угря толку было мало, а этим летом он еще не удосужился сшить себе башмаки. Глупо отправляться в путь босиком и без спального мешка, тем более в северную часть Леса.

Наконец он заметил на иве белого ворона – верный знак, что Дарк где-то поблизости. Затащил ненавистную долбёнку на берег. Птица поприветствовала его громким «арк!» и полетела в Лес.

Торак последовал за ней к стоянке друга на поляне, которую охраняли внимательные к чужакам березы.

Дарк сидел возле костра с бубном колдуна на коленях. На бубне были разбросаны фигурки разных существ, которых он любил вырезать из сланца, – зубры, бобры, змеи. Белая голова Дарка склонилась над бубном, фигурки подпрыгивали в такт ударам бедренной кости лебедя.

На костре коптился лосось. Рядом с Дарком лежала горка красных легко крошащихся камней, а сам он был слегка припорошен красной пылью. Арк уселась Дарку на плечо и принялась деловито чистить белые перья, которые тут же окрасились в розовый оттенок.

При появлении Торака Дарк поднял голову, но взгляд белесых глаз оставался отстраненным, будто блуждал далеко в Горах. А потом он наконец понял, кто перед ним, и лицо прояснилось.

Торак ступил в круг света от костра.

Улыбка Дарка поблекла.

– Значит, она все-таки ушла, – сказал он.

Торак сверкнул глазами:

– Ты знал?

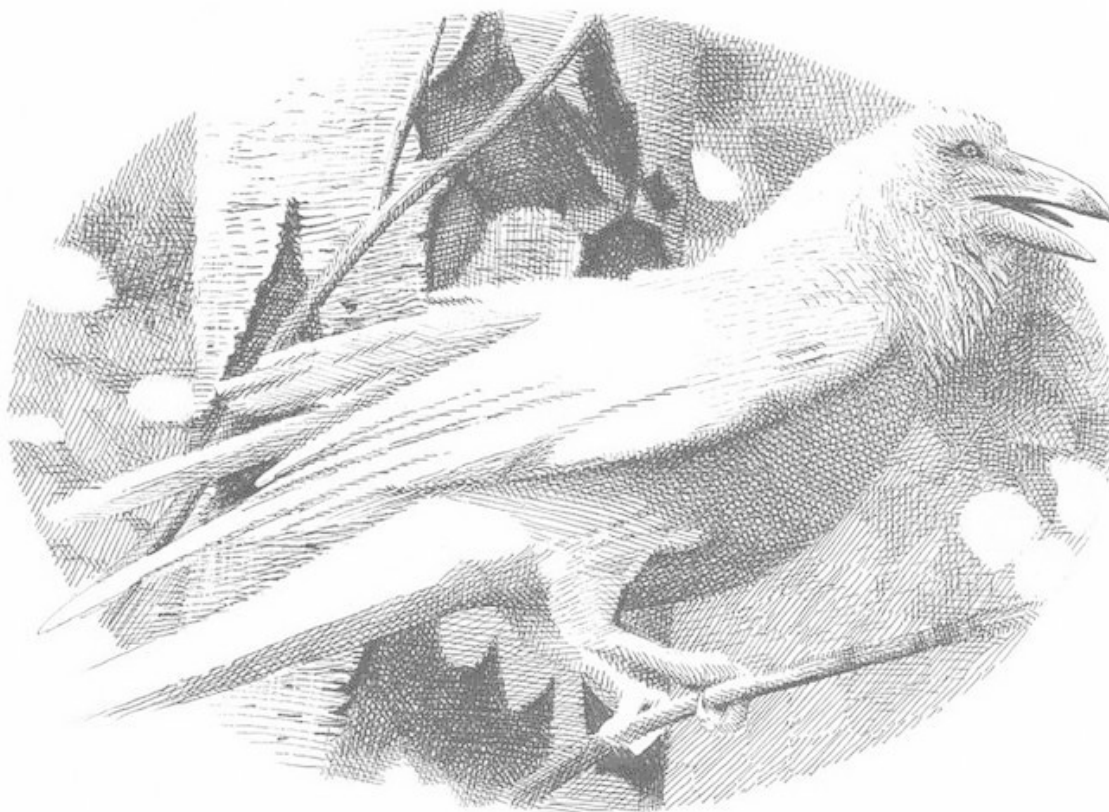
Дарк с шипением втянул воздух сквозь зубы.

Торак сорвался на крик:

– Что происходит? Куда она пошла?

– Я не знаю куда, но, думаю, знаю почему.

Глава 2

Торак мерил шагами поляну и яростно рубил палкой папоротник.

– Ты знал и мне не сказал.

– Ренн попросила не говорить.

– Я-то думал, ты мой друг.

– Она тоже мой друг...

– Друг, с которым ты секретничал у меня за спиной?

– Не так все было! И перестань рубить папоротник, ты пугаешь Арк.

Люди, впервые встретив Дарка, видели странного парнишку с белой кожей, белыми волосами и глазами цвета заполненного снегом неба. Они принимали его мягкость за слабость, но очень скоро понимали, что ошибались.

Дарк родился бесцветным, и отец бросил его, когда ему было восемь. Семь лет он один выживал в Горах, с ним были только маленькая самка белого ворона, которую он спас от стаи ворон, и дух его сестры. Два лета назад люди племени Ворона приняли Дарка, и все согласились, что он будет их колдуном. Но Дарк еще не привык к жизни в Лесу в окружении людей и порой на несколько дней уходил от племени, чтобы пожить одному и прочистить мысли и сознание.

Торак резко развернулся с палкой в руке, как будто собрался кого-то ударить и злобно посмотрел на огонь.

– Скажи, куда она пошла.

Дарк воткнул острие ножа в глаз лосося, поднял его от огня и протянул Торак. Торак сурово сдвинул брови, и Дарк стал есть рыбу сам.

– Ренн сказала, начало происходить то, что она не может объяснить.

– Например?

– Капкан, о котором она забыла тебя предупредить. И еще был случай, когда она чуть не выпустила в тебя стрелу на охоте.

– Глупости, это все было случайно, такое с любым может произойти.

– Она так не думает. Ренн сказала: что-то во мне хочет причинить вред Тораку.

– Что? Ренн никогда бы мне ничего не сделала!

– Знаю. Но ей страшно оттого, что она может это сделать. Она хочет найти то, что ее к этому толкает, и остановить. Она думает... – голос у Дарка дрогнул, – она думает, это связано с ее матерью.

Березы вокруг поляны беспокойно зашелестели. Перья на шее Арк встали дыбом, и она тревожно каркнула.

Торак посмотрел Дарку в глаза:

– Но ведь колдунья Гадюка мертва.

– Знаю. Я лишь передал тебе слова Ренн.

Торак вытер ладонью губы:

– И ты даже не представляешь, куда она пошла?

– Она сказала, что все знаки указывают на один путь. Я тоже видел эти знаки. И вот только сейчас мой бубен сказал мне нечто странное. Он говорит: «Демон, который не демон...»

– У меня нет времени на загадки колдунов.

– А я все время их вижу.

Дарк указал на дерево, возле которого оставил подношение в виде фигурки ласки. Из-за теней от веток казалось, что у ласки появились рога.

– Я видел их в облаках, – продолжил Дарк, – и в водоворотах в реке. Большие клыки, намного больше, чем клыки кабанов...

– Плевать мне на клыки, я должен найти Ренн!

– Но, Торак, это все связано! Эти клыки связаны с Ренн, я чувствую.

– Тогда проведи обряд на поиск потерянного. Вот прямо сейчас возьми и проведи.

– Она не хочет, чтобы ты ее нашел. Поэтому она и ушла, не предупредив тебя. Иначе ты бы от нее не отстал, а она не могла так рисковать!

– Просто проведи обряд!

Дарк замялся, а потом тряхнул головой и сказал:

– Нет нужды в обряде, посмотри на небо, и все поймешь.

В небе над головами светилось Самое Первое Дерево¹. Его мерцающие зеленоватые ветви охватывали луну и звезды, а невидимые глазу корни держали в западне демонов Иного Мира.

У Торака волосы зашевелились на затылке. Самое Первое Дерево обычно светилось в темные зимние ночи и крайне редко показывалось в летнее время. Если оно появилось, значит тому была причина. Торак по лицу Дарка видел, что друг тоже об этом подумал.

Они с восхищением смотрели в небо, зеленые огни постепенно поблекли, и от них остался лишь след, как от огромной светящейся стрелы.

– На север, – сказал Торак. – Этот знак говорит, что она пошла на север.

– Очень далеко на север, – сказал Дарк.

Торак вскинул голову:

– Хочешь сказать – на Дальний Север? Она сама никогда туда не доберется.

– Еще дальше, – сказал Дарк. – Я это чувствую.

– Но что может быть дальше?

Арк каркнула, и они увидели, что на краю поляны появился Фин-Кединн.

Вождь племени Ворона, прихрамывая и опираясь на посох, шел к костру.

---

¹ Северное сияние.

– За Дальним Севером – Край Мира, – сказал он.

* * *

Дарк подтащил ближе к костру ствол поваленного дерева. Вождь сел и потер ладонью старую рану на бедре. Его собака с рваным ухом принялась обнюхивать лосося, но, стоило хозяину один раз на нее глянуть, тут же покорно улеглась в ногах. Дарк тоже сел. Арк вспорхнула на дерево и, сидя на ветке, недобро поглядывала на собаку.

Торак не садился, он стоял и нервно сжимал и разжимал кулаки. Дальний Север – это бескрайний холод без деревьев, где всем правят огромные белые медведи. Они с Ренн бывали там однажды и только по счастливой случайности выбрались оттуда живыми.

– Расскажи мне об этом Крае Мира. Ты там бывал?

Фин-Кединн тряхнул головой:

– Нет, но в молодости я охотился с племенем Песца. Они мне кое-что рассказали.

– Значит, ты можешь рассказать об этом мне.

– Сначала тебе было бы неплохо поесть.

– Я не голоден...

– А выглядишь так, будто несколько дней не ел. Сядь. И поешь. И ты, Дарк, тоже, а пока ешь, расскажи мне о Ренн.

Когда Фин-Кединн говорил, его слушали и никогда не перечили.

Вот и Торак не стал перепираться, просто сел и зло уставился на костер, а потом понял, что действительно проголодался и накинулся на закоптившегося до черноты лосося.

А Фин-Кединн тем временем слушал Дарка.

Вождь племени Ворона был приемным отцом Торака, но в этот раз он не поприветствовал его, как обычно, – прикоснувшись лбом ко лбу. Торак из-за этого подумал, что приемный отец в душе винит его в бегстве Ренн.

Дарк закончил рассказ.

Фин-Кединн повернулся к Тораку:

– И Ренн никогда тебе ни о чем не говорила?

– Никогда и ничего, – пробормотал Торак в ответ.

Он дважды просыпался посреди ночи и замечал, что Ренн смотрит в темноту, но тогда ему казалось, что она просто тоскует по племени. Ренн хотела, чтобы они устроили стоянку ближе к племени Ворона, а Торак стремился жить с волками в безлюдных долинах.

– И ни разу не почувствовал неладное? – жестко спросил Фин-Кединн.

– Хочешь сказать, она ушла из-за меня?

– А ты как думаешь?

Яркие голубые глаза Фин-Кединна обдавали холодом, но Торак не отвел взгляд.

– Я думал, мы счастливы. Расскажи мне о Крае Мира.

Вождь племени Ворона еще какое-то время молча смотрел в глаза Тораку, а потом сказал:

– Никто из тех, кто пытался туда добраться, не вернулся. Но, говорят, там Море уходит в бездну. Я слышал легенды об острове рядом с Краем Мира. На этом острове бурлят и кипят реки, а горы плюются огнем. Этот остров охраняют духи огромных давно умерших существ.

Торак нервно сглотнул ком в горле:

– И как до него добраться?

Фин-Кединн расправил широкие плечи:

– Старые легенды рассказывают о том, что остров лежит за северными скалами Дальнего Севера. – Он повернулся к Дарку. – Поэтому я и пришел к тебе. Ты рассказал о своих видениях, и я кое-что вспомнил. Племя Нарвала охотится вдоль того побережья. Речь этих людей

отличается от нашей, и они строят убежища из бивней и костей огромных, высотой с дерево монстров с длинной шерстью.

– Я видел таких во сне! – воскликнул Дарк. – Но я ни разу не почувствовал, что они до сих пор живы! Во сне мне казалось, что они не принадлежат ни к какому месту на земле. Лес, Горы, Море – не их место обитания. Как такое возможно? Они ведь должны где-то жить.

– Они принадлежат Глубокому Прошлому, – сказал Фин-Кединн. – Они жили во времена Великого Холода, но наши предки убили слишком много этих существ, и они вымерли. Охотники племени Нарвала до сих пор иногда находят вмерзшие в землю скелеты. Эти древние существа священны. Нарвалы называют их маммутами.

Торак вскочил и закинул на плечо колчан со стрелами.

– Ладно, если они вымерли, о них можно не волноваться.

Фин-Кединн пристально посмотрел на него:

– Ты не пойдешь за ней.

– Она ушла четыре дня назад, я не стану ждать дольше.

– А тебе не приходило в голову, что Ренн знает, что делает? Не пытался ей доверять?

– Я ей верю. Я бы ей жизнь доверил. Но что-то толкает ее к Краю Мира, и, что бы это ни было, она не встретится с ним один на один.

Глава 3

Северный ветер, завывая над водопадами и вылизывая голодным языком Лес, предупреждал Торака о том, что лучше вернуться назад. Дальше простирался пустынный берег, шумное Море, голые земли, а за ними – Далекий Север, где обитали белые медведи, для которых люди – добыча. И Ренн отправилась туда одна.

До встречи с Ренн у Торака не было друзей. Пять лет они делились секретами и страхами.

Стоило Тораку представить, как перед ним вспыхивают в темной зелени Леса ее темно-рыжие волосы, ничто не могло его остановить – он упрямо шел дальше.

До устья реки он добрался за один день. Фин-Кединн смягчился и отдал ему свое каноэ из шкуры северного оленя, пообещав, что вернет племени Кабана украденную долбёнку.

Торак слишком устал, чтобы соорудить достойное убежище из стволов молодых деревьев, поэтому просто затащил каноэ в лес и перевернул вверх дном. Последнюю ночь ему хотелось провести в Лесу.

Он быстро развел костер и проверил снаряжение: стрелы с наконечниками из кремня, запасные тетивы из сухожилий оленя, речная галька для пращи – все на месте. Затолкал пух чертополоха в кисет, сделал иголки из косточек чаек и вставил их в специальный футляр из кости крыла.

На случай, если каноэ перевернется, все надо было закрепить на поясе.

А еще надо было запастись щитками для глаз. Фин-Кединн предупредил: айсберги ослепляют, от них надо защититься. От яркого света было такое чувство, будто в глаза песок насыпали. Бормоча под нос слова благодарности, Торак содрал с березы кору и, вырезав в ней щели, сделал щитки для глаз. Ленту-повязку на голову он недавно потерял, но о том, чтобы сделать новую, не задумывался. Если татуировка в виде обруча на лбу сбивает людей с толку, тем хуже.

Дарк отдал ему свой спальный мешок и башмаки из шкуры бобра, а еще несколько лепешек из сушёного лосося и свернутую спиралью жирную кишку зубра. Лепешки и кишку он приберег в дорогу, а пока подкрепился стеблями лопуха и луговыми шампиньонами.

Как приношение воткнул в развилку рябины кусок гриба и попросил:

– Лес, ты помогал мне всю жизнь. Помоги найти Ренн. Сделай так, чтобы ей ничто не угрожало.

Но какая сила у Леса в местах, где нет деревьев и всем правят лед, ветер и волны?

Свет начинал умирать. Племена знали, что это время, когда дышащие злобой и отчаянием демоны крадутся в темноте, их сложно увидеть, разве что – поймать краем глаза тень. У Ренн было чутье колдуньи на демонов, а Волк всегда знал, когда они рядом, и Торак привык на них полагаться.

Дарк, отдавая ему в дорогу кисет с «кровью земли», сказал:

– Сможешь обменять на теплую одежду, когда окажешься на побережье, но не забудь какую-то часть оставить на себе.

– Думаешь, мне это понадобится? – спросил Торак.

– Демон, который не демон. Я не знаю, что это означает, но «кровь земли» тебя защитит. Пусть хранитель всегда летит с тобой, Торак.

– И с тобой.

Торак насыпал в рожок «кровь земли», но перед этим обмакнул в нее фигурку волка из сланца, которую носил на шее, и смазал браслет-оберег из зеленых камней, который Фин-Кединн сделал для Ренн, а она передарила ему.

Торак лежал в спальном мешке, смотрел из-под каноэ на костер и старался не думать о двойном спальном мешке, который они делили с Ренн.

Он потрогал шрам на предплечье. Этот шрам появился у него в ночь, когда демон-медведь убил отца. Тораку тогда было двенадцать. Он помнил, как бежал через разрушенную стоянку, которую построил отец, как врезался в ствол дуба и, оглушенный, смотрел на ветки дерева. Тогда он впервые оказался по-настоящему одинок. И вот теперь снова был совершенно один.

За скрипом и шорохами Леса слышалось несмолкающее шипение Моря. Невыносимо было даже думать о том, что Ренн плывет на каноэ во власти Матери-Моря, которая живет в глубине по ту сторону добра и зла и убивает без жалости и предупреждения.

Где-то заухал филин, в костре потрескивали угли. Волк, когда еще был совсем мелким, обжег лапу в костре и с тех пор называл огонь «Яркий Зверь, Который Больно Кусается». Торак скучал по Волку, по его нежным и щекотным покусываниям, по запаху больших мускулистых лап. Он никогда не мог до конца понять своего брата и по этому ощущению тоже скучал. Волк всегда бесшумно появлялся и исчезал в тумане, он мог услышать, как проплывают в небе тучи, и почуять, как дышат рыбы в реке. Стоило Тораку просто подумать, что неплохо было бы пойти на охоту, Волк взглядом янтарных глаз говорил: «Идем!» Иногда Волк знал, что чувствует Торак, еще до того, как тот сам успевал это почувствовать...

Проснувшись, Торак сразу понял, что за ним наблюдают. И это был не какой-то любопытный барсук. В Лесу было тихо. Слишком тихо.

Торак беззвучно вытащил нож и выполз из-под каноэ. Короткая летняя ночь почти закончилась, а Лес был полон теней.

Еловая лапа постучала Тораку по плечу, как будто хотела о чем-то предупредить. Он оглянулся. Сорока вспорхнула на ветку и забрызгала его росой. Неприятное ощущение слезки исчезло.

На берегу Торак спугнул пару куликов, те закружили над головой и недовольными криками дали понять, что он подошел слишком близко к гнезду.

Лес за спиной Торака превратился в темную стену, а впереди были только Море и угрюмое серое небо.

Деревья, камни, река и Море – все они видели Ренн, но ничего не говорили Тораку. Его души опускались при мыслях о днях, что ждали впереди, когда он будет искать девушку, которая не хочет, чтобы ее нашли.

Волк появился незаметно, как умеют только волки. Он стоял в тридцати шагах от Торака. Роса посеребрила его бока, черную шерсть на голове и плечах и бурые уши. В другой раз он бы прыгнул к Тораку, принялся бы вилять хвостом, тыкаться носом и радостно облизывать. Но не сейчас.

Торак подошел к Волку на пятнадцать шагов и сел на горку сухих водорослей.

Волки воют, рычат, скулят, но еще они говорят языком тела. Язык волков тихий, его не так просто услышать, но Торак сразу понял, о чем хотел сказать Волк. Хвост задран и неподвижен, морда направлена в сторону Моря.

«Ты оставил меня. Я зол».

Торак не мог говорить, как настоящие волки, не мог прижать уши, опустить хвост между ног и дать понять, что чувствует себя виноватым.

Поэтому он встал на колени и низким голосом зарычал.

«Прости меня».

Волк дернул ухом, но продолжил смотреть на Море.

Все еще злился.

Торак подошел и сел рядом. Потерся плечом о плечо Волка. Волк оттолкнул его задом. Торак плюхнулся на кучу водорослей. Волк зарычал и придержал его зубами за плечо, а потом отпустил.

Торак заметил на левой передней лапе Волка свежую рану.

Спросил взглядом: «Как?»

«Упал».

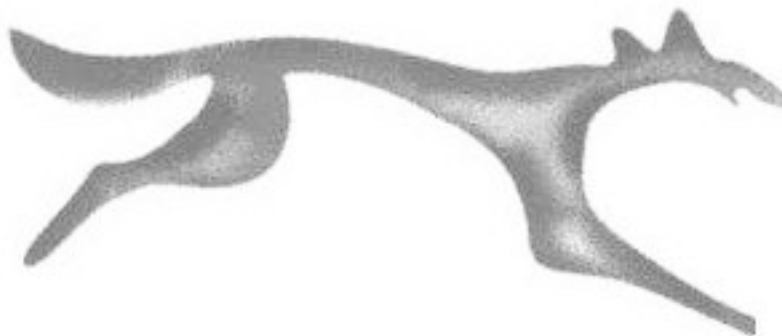
Торак почувствовал смущение в ответе друга и не стал расспрашивать о подробностях.

На то, чтобы рассказать о чем-то личном, у людей порой уходит уйма времени, но волки, пусть не все, способны выразить это, один раз по-особенному вильнув хвостом. Торак не мог объяснить, почему ушла Ренн или куда они направляются. Он лишь сказал Волку, что его сестра по стае очень далеко, и он по ней очень тоскует.

Волк прислонился к Тораку и лизнул его подбородок: «Я тоже».

Волки не покидают своих; Торак понимал, чего ему стоило уйти от Темной Шерсти и волчат. Он уткнулся лицом в холку Волка и вдохнул такой знакомый и любимый запах сладкой травы и теплой шерсти. Волк слегка прикусил его за ухо, и ему впервые после ухода Ренн стало немного легче.

«Я с тобой, – сказал Волк. – Мы найдем ее вместе».

Демон ухмыляется, глядя на заискивающего волка и трясущегося мальчишку. Они встревожены и напуганы. Ущербные и слабые существа.

Все живые существа слабые. Вождь племени Ворона слаб, потому что правит не силой, а убеждением. Девчонка слаба, потому что она – колдунья и боится использовать силу. Мальчишка слаб, потому что любит девчонку. Демон презирает любовь. Любовь – это слабость. С ее помощью легко контролировать жизнь.

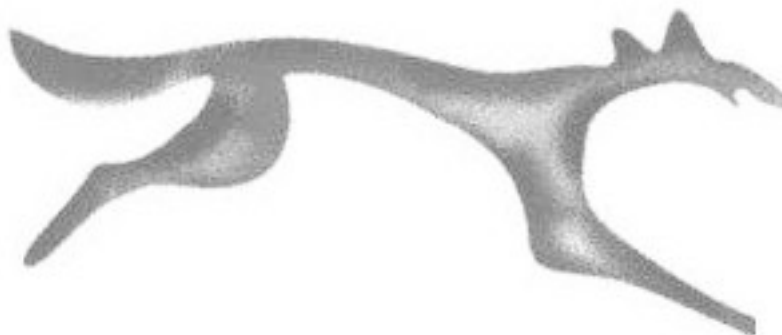
Теперь мальчишка с волком вернулись в Лес. Мальчишка собирает вещи, волк обнюхивает каноэ. Волк способен почуять мелких демонов – тех, кто бродит и пугает, – но Демона он почуять не может.

Демон умнее и сильнее всех живых существ. Он ненавидит и жаждет уничтожить их яркие души, измельчить в пыль, почувствовать, как они корчатся и визжат от нескончаемой боли...

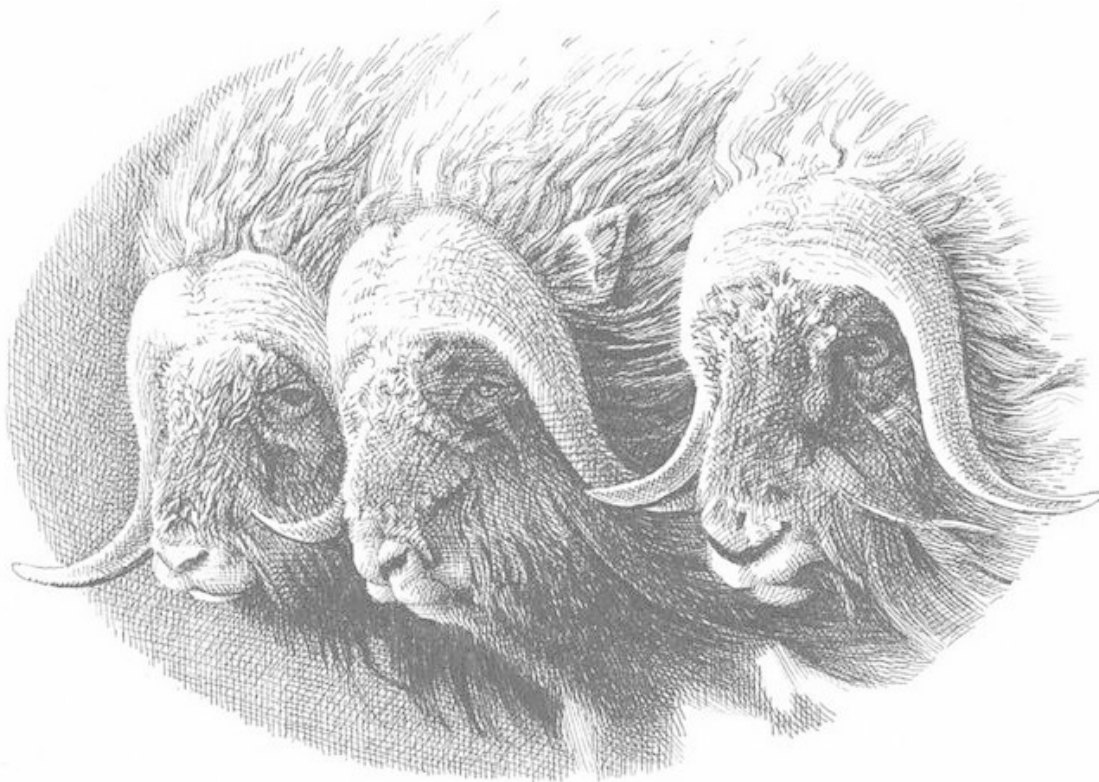
Но Демон не может утолить жажду, потому что он не свободен.

Демон должен освободиться.

Демон освободится.

Глава 4

Тюлень знал, что он слишком большой и Ренн не сможет его убить. Когда она подплыла ближе, он как ни в чем не бывало лежал на льдине и нежился на солнце, а у него за спиной отдыхала стая моевок².

День был солнечным, а Море спокойным, но тюлень вдруг соскользнул с льдины и нырнул под воду. Ренн вняла предупреждению и свернула. Моевки с криками взлетели в воздух, и льдина с треском перевернулась, послав волну, и чуть не перевернула каное.

Пока Ренн гребла между осколками льдины, моевки опустились на другую, которая изда- лека казалась голубой. Морские птицы, в отличие от людей, могут отдыхать где угодно. Ренн уже несколько дней почти не спала и потеряла счет времени. Продвигаясь вдоль побережья на север, она проплывала мимо укрытых снегом гор и бескрайних пустынных долин. Здесь не было Леса, где можно укрыться, и не было ночей – холодное белое солнце никогда не опуска- лось за горизонт.

Полоска гальки под скалами была слишком узкой для каное, но Ренн больше не могла откладывать. Она рассчитывала, что щитки с прорезями для защиты глаз от яркого света послужат неплохой маскировкой. Надо было плыть дальше, иначе какой-нибудь назойливый охотник заинтересуется, что делает на Дальнем Севере девчонка из Леса.

Рип и Рек пролетели мимо, распугивая моевок. Они громко каркали, и Ренн это не нра- вилось – их крики только усиливали жутковатые ощущения от странных земель.

Надо было сделать то, от чего ее просто воротило. Она села на корточки под отвесной скалой, смешала на плоском камне порошок из лишайника с сухой бузиной, потом насыпала все это в туес из бересты и развела морской водой, после чего втерла получившуюся черную

---

² Обыкновенная моевка, или черноногая моевка, или трехпалая чайка – вид птиц из семейства чайковых.

краску в длинные рыжие волосы. От ветра мокрая голова замерзла, и Ренн, хоть и была в теплой одежде из шкуры северного оленя, невольно содрогнулась.

Теперь надо было скрыть татуировку племени Ворона – три сине-черные полоски на щеках. Она смешала в раковине моллюска древесный уголь с оленьим жиром и замазала щеки так, будто горюет по умершему.

Дальше – пришитые к парке перья птицы ее племени. Ренн не смогла их сорвать и просто пришила поверх перья морского орла. И наконец нарисовала на тыльной стороне ладоней четырехпалые метки племени Морских Орлов.

– Вот так, – срывающимся голосом сказала она. – Теперь ты не Ренн из племени Ворона, а Реу из племени Морского Орла.

Она выбрала это племя, потому что Морские Орлы ладили со всеми, но это не помогло. Никогда прежде Ренн не маскировалась так тщательно. И вот теперь она предала свое племя и проявила неуважение к чужому, а изменив имя, пошла еще дальше. Твое имя – это ты в звуке. Изменив имя, меняешь судьбу.

Но что еще ей оставалось? Она знала: Торак пойдет за ней, и должна была сделать все, чтобы он ее не нашел.

На мелководе вынырнул тюлень, тот самый, который предупредил ее об опасности: мудрые карие глаза и кустистые усы, как у недовольного старика. Он внимательно посмотрел на Ренн и нырнул обратно, взмахнув задними лапами. Ему не понравилось то, что он увидел.

Ренн свистнула, подзывая Рипа и Рек. Вороны слетели со скалы, но у самой земли сменили курс и с криками «Рап! Рап! Чужак!» полетели прочь.

– Это я! Я не чужак! – закричала Ренн.

Но было поздно, вороны ее не узнали.

Траурные метки засохли на щеках. Ренн стало тошно. Ее душа-имя отделилась от нее. Чтобы как-то успокоиться, Ренн повязала голову лентой-повязкой Торака. Возможно, он даже не догадывался, что она ее украла, а ей нужно было взять с собой хоть частичку его.

Вода лизала башмаки, это Мать-Море выдыхала и посылала прилив.

«Ты не можешь здесь оставаться».

Вставая, Ренн увидела в воде свое отражение. На нее смотрела бледная девушка с длинными черными волосами. Ренн не узнала себя.

Она превратилась в свою мать – Сешру, колдунью Гадюку.

* * *

– Ты – не твоя мать, – сказал Дарк.

– Но в моих костях – ее суть. Может, поэтому все и происходит.

– Ты этого не знаешь.

– Я видела гадюку в рябине. Гадюки не ползают по деревьям.

Дарк сдул сланцевую пыль с фигурки сосновой куницы, которую вырезал во время разговора.

– Когда я родился, моя мать причислила меня к племени Лебедя. Мне не нравилось быть Лебедем. Они меня бросили. Но я – это я, мне этого не изменить. Я могу изменить лишь то, что я делаю.

– Твоя мать не была Пожирательницей Душ. Она не убивала людей.

Дарк посмотрел на нее сквозь челку белых и тонких, как паутина, волос.

– Это из-за нее ты уже два лета не колдовала? Все еще боишься стать такой, как она?

– Мне не обязательно заниматься колдовством...

– Ты ошибаешься. – Голос Дарка прозвучал так сурово, что Ренн даже вздрогнула. – Те, кто болеет, нуждаются в излечении. Людям нужна твоя помощь в поисках добычи. Как будут выживать племена, если мы откажемся от колдовства?

– Что-то внутри меня хочет причинить вред Тораку. Я должна узнать, что это, и остановить его.

– В этом тебе поможет колдовство.

– Чтобы понять, куда идти, мне не нужны обряды и заклинания, я вижу знаки повсюду!

– Будь осторожна, Ренн. Колдовство – сила, подобная реке, если его сдерживать, оно становится опасным.

Возможно, он был прав. Но спустя несколько дней Ренн приснился сон, который заставил ее уйти.

Она стояла в ледяной пещере и держала в руках сердце Торака...

Ренн тяжело навалилась на весло и тут же проснулась, как от толчка. Надо было поскорее найти место для стоянки, если тянуть, можно запросто свалиться за борт.

В последний раз она была здесь зимой, тогда Море затянуло льдом, а над белой от снега землей без конца завывал ветер. Теперь же она ничего не узнавала. Даже плыть вдоль берега было тяжело, а все эти каменистые острова торчали из воды, словно осколки кремня, которые рассыпал Всемирный Дух, пока затачивал топор. Без Северной Звезды Ренн ориентировалась по солнцу, а когда не видела солнца – по чахлым и съезжившимся от ветра кустам.

Сила и злость ветра – вот что оставалось неизменным. Здесь ему не мешал Лес, он срывался с гор и нападал на пустоши, где карликовые ивы и березы клонились к земле и даже валуны и камни, казалось, предпочитали жаться друг к другу.

Солнце стало припекать сильнее, и вскоре Ренн почувствовала, что вспотела. Когда солнце уйдет, она замерзнет, один охотник из племени Песца как-то сказал ей, что убивает не холод, а влага.

Ренн плыла мимо шумных от морских птиц скал, в воздухе нещадно воняло пометом, а места для стоянки так и не было. В следующей бухте на берегу гнила серая туша кита. Здесь воняло так, что Ренн чуть не вырвало, но она все равно сомневалась, пока из-за туши не выглянул почуявший ее огромный белый медведь.

Тучи скрыли солнце, пошел снег. На Дальнем Севере погода меняется внезапно – весна, лето, осень и зима успевают сменять друг друга в один день.

Наконец Ренн подплыла к черному, усыпанному льдинами берегу. На гряде за линией прилива она увидела три валуна, которые могли послужить неплохим укрытием.

Гряда оказалась выше, чем казалась с моря. Уже стоя возле нее и глядя наверх, Ренн поняла, что валунов стало четыре.

Она заметила движение и отступила назад.

Тайный Народ живет на реках и среди скал. Выглядят его представители как обычные люди, но только до того мгновения, пока не поворачиваются спиной, а спины у них пустые, словно стволы прогнивших деревьев. Тайный Народ не любит, когда кто-то его замечает, и лучше его не злить, устраивая стоянку поблизости от скал, где он обитает.

Ренн приложила кулак к сердцу и поклонилась:

– Простите меня, я уйду.

Появился пятый валун. Нет, не валун, а существо, каких она никогда прежде не видела. Большое, как бизон, с очень косматой шерстью, мрачную коричневую морду обрамляли опущенные вниз и загнутые вверх рога, полинявшая на горбатых плечах шерсть свисала до самых на удивление мелких копыт.

Дарк рассказывал Ренн о мускусных быках.

– Если будешь держаться подальше, – говорил он, – они, скорее всего, не нападут. Но нрав у них вредный, так что иногда они все-таки нападают и безо всяких причин. Собрать

с кустов клочья их шерсти – это хорошо, но не вздумай на них охотиться, они принадлежат Тайному Народу.

Ренн отступила и сказала, обращаясь к обитателям скал:

– Я не охочусь за вашей добычей.

Мускусный бык фыркнул и, опустив голову, топнул ногой.

Ренн подняла руку:

– Смотрите, я иду к своему каноэ.

Появился второй мускусный бык. Потом еще три. Они стояли, выстроившись в ряд, и смотрели на девушку сквозь клубы дыхания.

Ренн, тяжело ступая, перебиралась через горы бурых водорослей. Мускусный бык легко, как олень, прыгнул с гряды и пошел в ее сторону.

– Простите меня! – крикнула Ренн, забравшись в каноэ, и опустила весло в воду.

Быки злобно смотрели ей вслед, пока она не исчезла из виду.

Снег перешел в дождь со снежной крупой. Дождь жалил лицо и забирался в рукавицы из шерсти северного оленя. Ренн уже отчаялась найти место для стоянки и тут наконец выплыла к лысому острову с небольшим мерцающим озером посередине.

Едва не падая с ног от усталости, Ренн подтащила каноэ к нескольким валунам возле озера, предварительно убедившись в том, что это не мускусные быки. Присутствия Тайного Народа она не ощущала, но всякое могло случиться.

Дождь со снегом почти прекратился. В воздухе гудели тучи мошкары. Ренн уже съела все лесные припасы, так что пришлось взять рыболовные снасти и тащиться обратно к Морю. Там на берегу она насадила на крючки морских улиток и закинула лесы в воду.

Ренн знала, какие обычаи диктовало Море: когда она в девять лет осиротела, Фин-Кединн отправил ее на некоторое время в племя Кита, чтобы она поучилась законам и обычаям Морских племен. Но сейчас она только в последнее мгновение вспомнила, что, смешивая взятое из Леса с тем, что берешь у Моря, ты наносишь оскорбление Матери-Морю.

Все ее снаряжение – из Леса: лук из тиса, стрелы из кизила, парка и штаны из шкуры оленя, башмаки из шкуры бобра, спальный мешок, сумка и каноэ. И рыболовные снасти: крючки из крепко связанных еловым корнем колючек, лесы из конского волоса и поплавок из сосновой коры. Единственное, что не оскорбляло Мать-Море, – это наживка и грузила из камешков.

Закусив губу, Ренн вытащила из воды лесы и побрела к озеру, чтобы начать все с начала. Она понимала, что от усталости плохо соображает – надо было сразу закинуть лесы в озеро.

На берегу не было коряг, зато полно костей – пятнистый череп медведя и белые скелеты чаек. Ренн разожгла костер и первым делом прокоптила в дыму одежду и снаряжение, чтобы меньше пахли Лесом. Потом съела пригоршню мидий, которые нарвала с камней, и немного слизких водорослей. Развернула лук и смазала его маслом лесного ореха из рожка со снадобьями.

– Ну хоть ты у меня остался, – пробормотала она.

Ренн все еще тосковала по луку, который для нее сделал Фин-Кединн, и теперь бережно ухаживала за новым, чтобы он не чувствовал себя брошенным и ненужным.

Она неуклюже перевернула каноэ, привалила по бокам несколько камней и забралась во временное убежище. Серый дневной свет просачивался сквозь оленью шкуру. На мелководье позвякивал лед, но больше ни звука – только зловещая тишина Дальнего Севера.

Рип с Рек не вернулись. Она полагалась на воронов – они могли предупредить об опасности. Но зачем им делать это теперь, когда она отреклась от племени?

Ренн представляла, как из-за камней появляются демоны и Тайный Народ, а на берег из воды крадутись выходят белые медведи.

Мысли о Тораке причиняли боль, поэтому она думала о Волке и Темной Шерсти, вспоминала, как они на реке учили волчат охотиться. Лосось – хорошая добыча для начинающего охотника, у рыбы нет рогов или копыт, которые могут поранить тельца волчат.

Она сняла с головы повязку Торака, вдохнула его запах – запах пота, волчьей шерсти и сока сосны. Он наверняка уже узнал, почему она ушла. Но понимает ли он, как тяжело было на это решиться? И как ей теперь больно?

Ренн представляла, как он идет по ее следу. Она видела его темные волосы и худое загорелое лицо с татуировкой племени Волка – две линии из точек на скулах, но поверх одной тонкий шрам, специально, чтобы ее скрыть. Видела зеленые крапинки в светло-серых глазах, которые появились после того, как его душа ходила в деревьях.

Сможет ли он ее простить за обман?

* * *

Ее разбудили удары крыльев и гогот лебедей. Чесался шрам на тыльной стороне кисти, а пальцы стали шершавые. Когда она выбиралась из спального мешка, под коленом хрустнул кусок древесного угля.

Солнце висело низко над янтарным Морем. В кострище тлел по краям кусок березовой коры. Кто-то углем нарисовал на нем лесные метки Торака, причем не раз и зло, с нажимом.

Ренн, вскрикнув, схватила кусок коры и забросила его в озеро. Она едва успела уничтожить заклятье – Торак бы сильно пострадал, если бы огонь сожрал хотя бы одну метку на коре.

Ренн с ужасом посмотрела на свои руки – ладони были черными от угля.

– Я не делала этого! – закричала она.

Но кто еще мог это сделать? И где на голом острове она нашла кору и древесный уголь?

Ренн побежала к Морю и яростно стерла в воде сажу с ладоней.

Ее леса вернулись на отмель. Это было неправильно, она ведь забросила их в озеро. И все же они были здесь, и что-то попало на крючки.

Рыдания застряли в горле. Это был тот самый усатый морж. Мертвый.

И все из-за нее. Теперь надо было разделать тушу и использовать каждую ее часть. Оскалив зубы, Ренн достала нож и вспорола серое брюхо моржа. Вскочила на ноги. Из кучи кишок выползла гадюка. Гадюка зашипела и исчезла в бурых водорослях.

Такого не может быть.

У костра спиной к Ренн сидела какая-то фигура.

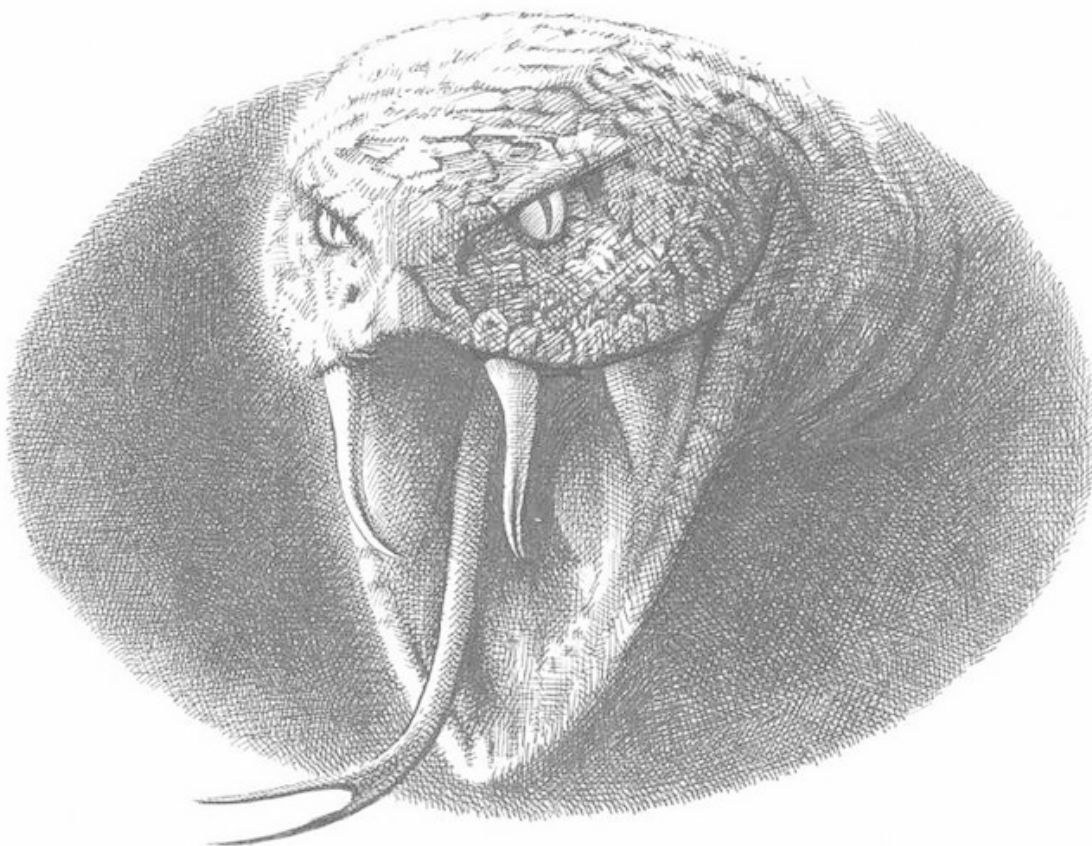
Когда Ренн подошла ближе, фигура развернулась, показав прекрасное и безжалостное лицо матери.

– Ты умерла, – сказала Ренн. – Тебя убили три лета назад. Я видела, как ты умираешь.

Черные губы Сешру скривились в улыбке.

– И что с того?

Глава 5

– Кто ты? – прошептала Ренн.

– А ты не знаешь? – с издевкой спросила Сешру.

Она сидела, скрестив босые ноги, и медленно пересыпала пепел из ладони в ладонь. На ней была туника без рукавов из серебристой тюленьей шкуры и, хотя шел густой снег, ни одна снежинка не упала на черные волосы и гладкие бледные руки. На лбу у нее красовалась татуировка Гадюки – два вертикально направленные друг на друга наконечника стрел. Ее темносиние глаза не отрываясь смотрели на Ренн.

– Интересная маскировка. С черными волосами тебе лучше, – заметила Сешру. – Вся в мать.

– Ты ненастоящая.

Ренн протянула руку, и пальцы прошли сквозь лицо матери, как сквозь дым.

– Ты уверена?

Колдунья Гадюка дунула в кострище, и в воздух поднялся фонтан янтарных искр. Одна обожгла Ренн щеку.

– Если я ненастоящая, как ты это почувствовала?

Ренн закрыла лицо руками так, чтобы отгоняющие зло татуировки в форме зигзагов на запястьях были направлены на Сешру.

– Ты умерла. Я видела, как ты умерла.

Плечи колдуньи затряслись от беззвучного смеха.

– Ты уже этого говорила!

– Я ненавидела тебя, когда ты была жива, и ненавижу до сих пор. Ты разбила сердце отца. Он не погиб бы во льдах, если бы не ушел на твои поиски...

– Твой отец был слаб.

– Ты хотела вселить в меня демона и превратить в токорота, в существо, которое будет подчиняться всем твоим командам.

– А теперь посмотри на себя, – с ухмылкой сказала мать Ренн. – В кого ты превратилась? Живешь в укрытии с мальчишкой, любителем волков! Притом что мы обе знаем: это плохой выбор. Ты хочешь жить со своим племенем. Он всегда стремится уйти из племени. Так пара не складывается. – Колдунья быстро облизнула губы острым черным языком, словно попробовала на вкус тревогу Ренн. – А теперь ты ушла от него, как я ушла от твоего отца.

– Я должна была уйти, ему угрожала опасность...

– Да, и эта угроза исходит от тебя. В тебе бурлит злоба.

– Я не злюсь на Торака.

– Неужели? А те «несчастные случаи» в Лесу? И заклинание с его метками на березовой коре?

– Ты за всем этим стоишь. Поэтому ты здесь.

Мать Ренн отвела взгляд в сторону:

– Змея может укусить даже после того, как ей отрежут голову. Но мне вот что интересно – ты ведь так и не доверилась своему мальчишке. Ты умеешь хранить секреты. Это в тебе от меня.

– Во мне нет ничего от тебя!

Снова беззвучный смех.

– Дочь, зачем себя обманывать? Можешь бежать до самого Края Мира и все равно не убежишь! Нельзя убежать от своего нутра.

– Зачем ты здесь? – холодно спросила Ренн.

– Наконец-то ты спросила! Это хорошо, так делают все колдуны.

– Мне не нужна твоя похвала.

Колдунья Гадюка смерила Ренн взглядом:

– Ты помнишь день, когда я умерла? Я лежала со стрелой в груди, а ты стояла рядом на коленях, и лицо твое было мокрым...

– От дождя, а не от слез.

Сешру улыбнулась:

– О, я знаю. Если бы тебя не опередили, ты бы сама выпустила в меня стрелу. – Колдунья Гадюка снова начала пересыпать пепел из ладони в ладонь. – Люди были напуганы, они не осмеливались ко мне подойти. Но только не ты и твой мальчишка. Ты слышала, что я сказала, когда умирала. Это еще не конец...

– Что ты хочешь сказать? – срывающимся голосом спросила Ренн. – Ты умерла. Все Пожиратели Душ мертвы. И их токороты тоже. Тебя нет!

– Придет время, когда ты об этом пожалеешь, пожалеешь о том, что выступила против меня. Я хотя бы была человеком.

– Поэтому ты здесь? – прорычала Ренн. – Чтобы предостеречь меня?

– А ты как думаешь?

Кто эта женщина? Что это за существо?

Ренн мысленно перенеслась в день, когда наносила Метки Смерти на тело матери. Вспомнила запах сырой охры, которой рисовала круги на лбу Сешру, на груди и на пятках, чтобы удержать ее души вместе.

Неужели Метки Смерти не подействовали?

Если бы Сешру потеряла душу имени, она бы превратилась в призрака. Если бы потеряла душу племени, то обернулась бы демоном. Если бы потеряла душу мира, разорвала бы связь с деревьями, охотниками и добычей и навечно уплыла бы далеко за звезды...

– Я не Пропавшая, – сказала Сешру, словно Ренн думала вслух. – И я не демон и не призрак.

После этого она легко и плавно встала и развела руки в стороны. Пепел из кострища словно по команде поднялся над землей и закружил вокруг колдуньи, как мерцающее облако. Ее волосы превратились в гриву из извивающихся змей, а глаза пронзали насквозь.

– Ты сон, – сказала Ренн.

– Отлично! – усмехнулась Сешру. – Но ты же понимаешь, что это значит?

Пепел осыпался на землю. Сешру исчезла.

– Это значит, что я внутри тебя, – прошипела колдунья в голове Ренн. – Ты не сможешь от меня избавиться, я – часть тебя...

* * *

Проснувшись, Ренн поняла, что стоит возле потухшего костра. Облака спрятали солнце. Гладкая поверхность озера от ветра покрылась рябью.

Колдунья Гадюка исчезла, но злоба еще висела в воздухе. Ренн трясло, ладони почернели от угля. Кусок березовой коры плавал в озере, и на нем красовались метки Торака. Значит, часть того, что случилось, было правдой: видимо, она во сне нарисовала метки на коре и бросила ее в костер.

А вдруг мать права? Возможно, глубоко внутри она злится на Торака и хочет причинить ему вред?

– Нет, – сказала вслух Ренн. – Нет! Ты никогда не заставишь меня в это поверить! Я никогда не причиню вред Тораку!

Она подошла к озеру и попила, зачерпнув воду в ладони. Потом наполнила бурдюк. Ну хоть леса остались на месте. Ренн ничего не поймала, но заметила на камнях белую куропатку и легко ее подстрелила.

Когда убиваешь, надо поблагодарить добычу и использовать всю без остатка. Это – Договор, самый старый закон: охотники должны с уважением относиться к добыче, и тогда Всемирный Дух пошлет им еще больше добычи.

Ренн поблагодарила куропатку и пожелала мира ее душе. Внутренности птицы она затолкала под камень как приношение, а печень и сердце съела сырыми. Содрала кожу с перьями, тушку и лапы пожарила. Косточки замотала в кожу с перьями и отнесла на другой берег озера. Вскоре из-за облаков спикировал орел, подхватил сверток с костями куропатки и унес прочь. Ренн посчитала, что это хороший знак.

Она выполнила Договор, это укрепило ее дух и придало уверенности, но не стерло из памяти последние слова Сешру.

«Это еще не конец».

Что означали слова колдуньи?

На берегу Ренн, презрев холод, сняла парку и штаны и мокрыми водорослями стерла с себя все следы сна, после чего забросила водоросли подальше на отмель.

Одевшись, съела куропатку.

У ее матери был дар – она умела убеждать людей в своей лжи.

Только не в этот раз. Никто не заставит Ренн свернуть с выбранного пути. Что бы ни угрожало Тораку – будь то демон или что-то еще, она найдет это и остановит. И если для этого надо отправиться на Край Мира, так тому и быть.

Ренн кое-что придумала и тут же это сделала. Она разложила на камне свои длинные волосы и решительно отрезала их ножом. Потом завязала на голове ленту-повязку Торака и посмотрела на отражение в озере. Лицо женщины, которое она увидела, вообще не было похоже на лицо матери.

В волосах хранится часть твоей души мира, поэтому нельзя позволить, чтобы они попали в плохие руки. Ренн обвязала свои вокруг камня и забросила его в Море. Там с ними ничего не случится, и вдобавок таким поступком она хоть немного загладила вину перед Матерью-Морем за свое снаряжение и каноэ из шкуры оленя.

Из воды появилась лоснящаяся серая голова и слегка тряхнула пышными усами.

Ренн улыбнулась:

– Я рада, что с тобой все в порядке. Прости, что убила тебя во сне.

Тюлень перевернулся на спину и принялся грызть красного краба, которого сжимал передними лапами.

Ренн надеялась, что Мать-Море простила ее за каноэ.

«Татуировка» племени Морского Орла на руке успела поблекнуть. Ренн обновила ее с помощью лишайника, а потом втерла побольше пепла в «траурные метки» на щеках.

Теперь вся эта маскировка не казалась Ренн такой уж неправильной. Перья воронов все еще были пришиты к парке, а сумка для лекарственных снадобий сделана из кожи ворона – закон запрещал убивать зверей племени, но того ворона она нашла мертвым в Лесу. В сумке Ренн хранила маленький мешочек, который сшила перед тем, как уйти от Торака. В него она затолкала клочки подшерстка Волка и Темной Шерсти и по молочному зубу каждого волчонка. А на шее висел шнурок со свистком из утиной кости, который прошлым летом вырезал для нее Торак. Дунув в него, Ренн ничего не слышала, но Волк мог его услышать, и Рип с Рек – тоже.

Ренн дунула в свисток.

Сначала она ничего не услышала, только шипение ветра в траве. А потом – взмахи мощных крыльев, рассекающих воздух. Рип опустился на землю и поприветствовал Ренн низким гортанным карканьем. Рек села ей на плечо и аккуратно ущипнула за волосы. Воронов больше не сбивала с толку ее маскировка.

– Приветствую вас, мои маленькие стражи, – с поклоном сказала Ренн. – Рада, что вы понимаете, что я – это все еще я. Прошу, не улетайте снова надолго.

* * *

Туман пришел без предупреждения, он накрыл Ренн, когда она плыла на север. Иногда он был таким густым, что Ренн не видела носа каноэ.

А когда туман рассеялся, Ренн даже испугалась, обнаружив, как далеко уплыла от берега. Она попыталась развернуть каноэ, но течение не позволяло этого сделать. Вода здесь была бледно-зеленой и гладкой, совсем не такой, как беспокойная и синяя, что осталась позади, и она тащила каноэ в Море.

– Не пытайся с ним бороться! – крикнул чей-то голос. – Плыви вдоль берега, и все будет хорошо!

Ренн послушалась и спустя некоторое время увидела сквозь белую пелену охотника в длинной серой лодке.

– Еще немного, ты почти выплыла! – крикнул охотник.

Он оказался прав. Чувствуя себя глупо, Ренн прокричала в ответ слова благодарности. В племени Кита ее учили, как выплывать из отбойного течения.

– Не могу поверить, что забыла, что надо делать!

Охотник подплыл ближе, откинул капюшон и улыбнулся:

– Думаю, в Лесу отбойное течение не часто встречается.

Он был примерно одних лет с Ренн и удивительно красив: обветренное загорелое лицо, яркие голубые глаза, длинные, до плеч, светлые волосы заплетены во множество косичек. Татуировка племени – две тонкие черные полосы от уголков рта до подбородка.

Сохраняя дистанцию, что было признаком уважения, охотник поднял открытую ладонь.

– Я Наигинн из племени Нарвала. По твоей речи я понял, что ты с Дальнего Юга. А тебя как называть?

– Я Реу из племени Морского Орла, – немного поколебавшись, ответила Ренн и с облегчением почувствовала, что ее душа-имя в безопасности – внутри она все еще Ренн из племени Ворона.

Глава 6

Торак свернул, чтобы не столкнуться с куском темного льда, и Волк чуть не свалился за борт. Тогда Торак зарычал, чтобы Волк не дергался, но тот его как будто не слышал, сидел с выпученными глазами и часто дышал.

Торак, чтобы успокоить друга, сладко потянулся и зевнул. Не сработало. Ему потребовалось немало усилий, чтобы уговорить Волка залезть в каноэ. Волк поддался на уговоры, но это не означало, что ему нравилось плыть в лодке, – он боялся Моря и постоянно слышал, как на глубине воет гигантская рыба.

Фин-Кединн предупредил Торака насчет китов: «Летом они подплывают ближе к берегу, чтобы почесать брюхо. Если увидишь, что в каком-то месте над Морем с криками кружат птицы, держись подальше – это верный признак того, что там кормятся киты».

Кит уже дважды всплывал так близко от их каноэ, что они чудом не перевернулись. А недавно вдруг налетел ветер и задул с такой силой, как будто задался целью разбить каноэ об огромную льдину. Это было предупреждение: Дальний Север советовал вернуться в Лес.

Солнце в этих странных краях не садилось, и Торак потерял счет дням. Его не отпускал страх, что он никогда не найдет Ренн. Он не мог представить, как будет жить без нее. Даже когда они были с другими людьми на стоянке племени, для того чтобы почувствовать близость, достаточно было обменяться взглядами через костер.

Что, если этого больше никогда не случится?

И еще Торак все отчетливее понимал: если Ренн долго готовилась к путешествию, то он не потратил на сборы ни дня.

Ему нужна была теплая, годная для плавания одежда и лодка с каркасом из костей кита, обтянутая шкурой тюленя, которая не вызовет гнев Моря, но пока он не встретил никого, с кем можно было бы обменяться.

Торак знал, что на этих землях живут люди из племен Белой Куропатки, Нарвала, Моржа и его друзья из племени Песца. Но куда они все подевались?

Да еще бурдюк опустел и, хотя по отвесным скалам сбегали, словно вены, водопады, места, где можно было бы выйти на берег, он так и не нашел.

Впереди из прибойной пещеры доносился странный низкий рык, но Торак, сколько ни вглядывался, не увидел внутри ничего, кроме камней.

Что же это за земля такая, если даже камни здесь рычат?

Волк прижал уши и опустил хвост между ног.

«Уфф», – предупредил он.

Три существа, которых Торак принял за валуны, тяжело переваливаясь, вошли в воду и поплыли в их сторону. Плыли они быстро и фыркали, когда головы появлялись над водой. Шкуру существ покрывали бородавки, из-под мешковатых губ торчали мощные желтые бивни длиной с предплечье Торака, а черные глаза, казалось, были крепче гальки.

О моржах Фин-Кединн тоже его предупреждал: «Людей они не едят, но, если подойдешь слишком близко, убьют».

– Я на тебя не охочусь, – сказал Торак.

Морж фыркнул и нырнул, показав пятнистую тушу, которая была в два раза больше каноэ. Его сородичи тоже исчезли из виду.

Торак с Волком напряженно вглядывались в темно-зеленую воду – моржи могли быть где угодно.

Торак проплыл совсем немного, когда за спиной снова появились из воды их головы. Моржи провожали его взглядом, пока он не уплыл подальше от их пещеры.

Жажда усилилась. Торак заметил, что Волк стал дышать тяжелее. Они выплыли к месту, где с отвесной скалы на узкую полоску берега с шумом падала вода. Но, когда Торак подгрел ближе, Волк ошетинился и зарычал, глядя на вершину скалы. Торак задрал голову и встретился взглядом с белой медведицей. Таких огромных он в жизни не видел.

Медведица стояла, вцепившись длинными когтями в край скалы. Ее грудь и морда были в желтых пятнах от подкожного жира, нос исполосован шрамами. Она не отрываясь смотрела на Торака черными глазами и даже облизнулась темно-серым языком, как будто пробовала его запах на вкус.

Торак неловко погреб назад. Медведица переступила с лапы на лапу, подбирая упор, чтобы спуститься к такой соблазнительно легкой добыче. По бокам от нее появились два белых медвежонка и с любопытством посмотрели вниз на Торака. Медведица качнула головой, медвежата послушно отступили и исчезли из виду.

Фыркнув, медведица снова облизнулась и выставила вперед лапу. Вниз, подпрыгивая, посыпалась галька. Медведица убрала лапу и зашипела – слишком крутой склон.

Торак погреб еще быстрее, пока она не передумала. Ладони вспотели. Он уже сталкивался с белыми медведями и знал, какие они свирепые и кровожадные. Для белого медведя все другие существа – добыча. Лето для них скудное на добычу время. Зимой они охотятся на тюленей, которые выбирают на замерзшее Море, но летом морского льда нет, а значит, становится меньше тюленей и больше голодных медведей.

Торак плыл на север. Белые пятна на земле казались зловещими знаками. Что это? Выброшенные на берег коряги? Спящие медведи? Лед на пустошах? Что?

Проплывая мимо мыса, Торак увидел медведицу, которая заходила в Море. Он перестал грести и попытался рассмотреть, в какую сторону та поплыла. Но из воды виднелась только ее макушка, и любая самая мелкая волна скрывала ее из виду.

Торак решил, что медведица поплыла на юг, но когда опустил весло в воду, выглянуло солнце, и каждая сверкающая волна превратилась в медведя.

Он в десятый раз посмотрел через плечо, и тут сильный удар чуть не выбросил его из каноэ. Торак увидел под водой черную льдину, но было уже слишком поздно.

Каноэ треснуло, как яичная скорлупа, вода хлынула внутрь.

* * *

Голый Торак, скрючившись, сидел в пещере над берегом. Стуча зубами, он оторвал от спального мешка широкую полоску, чтобы обмотать ноги. Перед ним горел костер, который он сумел развести из плавника, а со спины прижимался Волк и согревал своим телом.

Тораку повезло – Мать-Море выбросила его на отмель, забрала каноэ и башмаки, но оставила жизнь. А еще у него осталось оружие, снаряжение и мешочек с «кровью земли».

Куртка и штаны сушились на палке над костром. Когда Торак оделся, они еще были сырыми, пришлось перевязать их на локтях и коленях запасной тетивой и напихать внутрь травы. Трава кололась, и в ней было полно всяких жучков, но она сохраняла тепло, а значит – жизнь.

Летом на Дальнем Севере никто не путешествовал по суше и никто не ходил в одежде из кожи угря.

Все плохо. Он не встретил никого, с кем можно было бы обменяться, и у него не было времени на то, чтобы остановиться и сделать себе сносное снаряжение.

Торак шел по пустошам. Ветер чуть ли не сбивал с ног и забирал тепло. Волк шурился, но холода не чувствовал – шерсть у него была густой, а шкура толстой, как будто уже наступила зима.

Земля стала вязкой, ветер ушел терзать кого-то еще, в воздухе роилась мошकारа. Волк бежал через болото, иногда садился и яростно чесался, пока Торак с угрюмым видом прыгал следом за ним с кочки на кочку. Потом Торак неудачно провалился в черную трясину, выдернул ногу и остался без обмотки, выдернул вторую и остался босой.

Вспотевший, искушенный мошкарой, он наконец добрался до твердой земли, и тут же вернулся ветер.

Все бесполезно – берег все еще был в одном полете стрелы. Голая земля, ветер, Море, моржи, белые медведи – все было против него.

Впервые с тех пор, как ушел из Леса, Торак разозлился на Ренн. У них все было общее, они всегда всем делились. Иногда они так смеялись, что слезы на глаза набегали. А порой разговаривали об отцах, о том, как сильно их любили.

Как она могла так с ним поступить?

Над головой заскользила тень. У Торака перехватило дыхание. Ветер сбивал с ног, но большая белая сова парила так, будто ей все было нипочем.

В прошлом Торака вынудили убить белую сову. Теперь, глядя на эту, он почувствовал себя виноватым и обрадовался, когда она полетела дальше через пустоши.

Волк убежал вперед, его нигде не было видно, но Торак почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся.

На отмели покачивались две лодки, в каждой – по четыре парня примерно одного с Торак-ком возраста в парках и штанах из пятнистой серой шкуры. У всех круглые и плоские обветренные лица людей Дальнего Севера, и все хмуро смотрели на Торака.

Торак поднял руку в приветствии. Один парень сказал что-то другим. Его речь была похожа на перестук мелких камней. Парни захихикали в ответ.

Торак догадался, что выглядит глупо в набитой травой одежде, совсем как торфяной человек, которого племена Льдов выставляют в честь ветра.

– Меня зовут Торак, – крикнул он. – Вы меня понимаете?

Первый парень расправил плечи. Даже с такого расстояния Торак почувствовал, как от него воняет прогорклым подкожным жиром морских животных, которым он смазал лицо. А глаза у него были узкие, словно он все время щурился от ветра. Из-за татуировки племени – две черные полосы от уголков рта к подбородку, – казалось, что он недовольно кривится.

– Орво, – парень стукнул себя кулаком в грудь. – Племя Нарвала. А ты кто?

Тораку не хотелось объяснять, что значит жить без племени, поэтому он просто сказал, что из Леса на юге.

– У меня есть «кровь земли», хочу обменять на одежду и лодку с обшивкой из кожи. Можете помочь?

Парень по имени Орво посмотрел на Торака так, будто тот просил луну с неба.

– Ты хочешь лодку?

– Я же сказал, хочу обменяться.

– Нарвалы не меняют лодки.

– Хорошо. Тогда, может, кто-нибудь другой захочет поменяться. А если нет, пойду пешком.

Орво передал слова Торака товарищам, и все дружно рассмеялись.

– Пойдешь пешком? – с усмешкой переспросил Орво. – Ходьба для женщин и Слабых Животов!

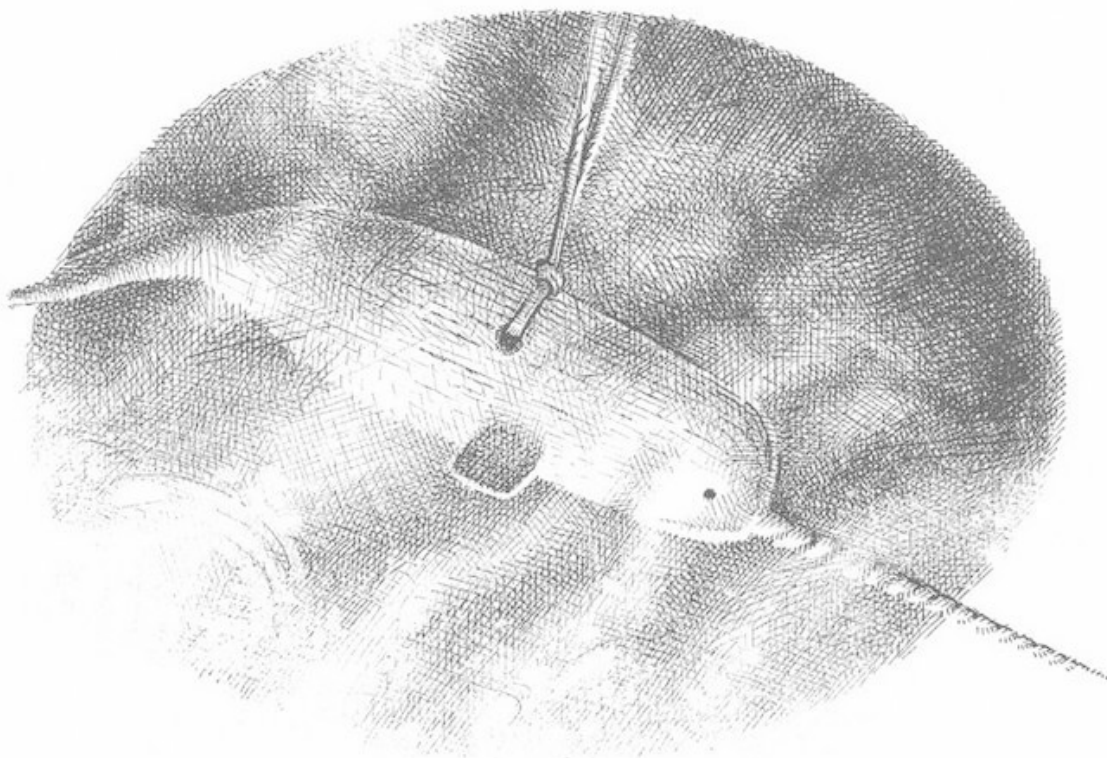
– Кто такие Слабые Животы? – не понял Торак.

– Такие, как ты, с Дальнего Юга! Забирайся в лодку.

– Зачем?

– Таков закон: чужаки идут к Вождю, – сказал Орво и с гордостью добавил: – Он мой дядя. Не волнуйся, Слабый Живот, он тебя не побьет. Просто отправит обратно на юг. Ты недостаточно крепок для Дальнего Севера.

Глава 7

Парни из племени Нарвала забрали оружие Торака и чуть ли не силой усадили в лодку Орво. Они поплыли на север, и Торак увидел, что Волк идет за ними по суше, но Нарвалы ничего не замечали.

Проплыли мимо бухты, где стайка мальчишек с трудом ходила вверх-вниз, к их поясам были привязаны какие-то крупные камни.

– Черепа моржей, – пробормотал Орво. – Подрастут немного, будут таскать камни, а потом черепа китов.

– Зачем? – спросил Торак.

– Таков закон.

Потом Торак спросил Орво, откуда тот знает язык Юга. Оказалось, у них такой закон – кто-то должен выучить язык Юга, чтобы торговать с другими племенами.

У Нарвалов вообще много законов.

Мальчиков растят дяди, потому что они наказывают жестче, чем отцы. Когда приходит первый холод, они должны спать на открытом воздухе и еще, чтобы одолеть страх, стоять на краю Великой Скалы.

– А когда отец моего отца станет слишком стар для охоты, – продолжал хвастать Орво, – я должен буду проследить, чтобы старшие его задушили.

– Зачем?

– Это сделает меня сильнее. Слабый умирает, сильный выживает. Слабые Животы, такие как ты, долго не выдерживают.

– Почему вы нас так называете?

– Потому что вы слабые. Ты даже нашу еду есть не сможешь.

– Откуда тебе знать? Я никогда ее не пробовал.

Орво оскалил зубы:

– Попробуешь!

Торак замолчал, и это, похоже, стало раздражать Орво.

– А в вашем Лесу есть законы?

– Не так много, как у вас. А вам зачем столько?

– Чтобы выживать! Охота на китов – опасное дело! Шесть мужчин в лодке должны действовать как один! Твои люди охотятся на китов?

– В Лесу китов нет.

Орво презрительно фыркнул:

– Бедное место.

– Из этого места вы получаете плавник.

– Нет, плавник приплывает из Моря.

– Да, но до этого он был деревьями.

Орво снова фыркнул:

– Что еще за деревья? Я в них не верю! Плавник – это гигантские водоросли из Моря!

На этом Торак сдался.

Они обогнули мыс, за которым к небу поднимался дым от костров и воняло отбросами.

Торак увидел на берегу сотни убежищ, вытянувшихся в линию.

Так вот где были все люди – на встрече племен.

Орво объяснил Тораку, что Нарвалы и Моржи – «Морские охотники», поэтому у них лучшие места для стоянки на гребне возле реки. Белые Куропатки охотятся на оленей и зайцев и занимают место на заболоченной земле. А Слабые Животы, такие как Водоросли, – рядом с кучами отбросов.

Торак спросил: нет ли на встрече племен кого-нибудь из племени Песца, но их лодки уже зашли на отмель, и времени на разговоры не осталось.

Шум на берегу стоял страшный. Мужчины торговались и спорили над грудями уток и блоками из спрессованных толченых сухих ягод. Женщины высматривали в шкурах дыры, обнюхивали бурдюки с китовым жиром и тыкали пальцами в бока копченой оленины.

Парни провели Торака мимо сеток с высушенной на ветру треской, и он оказался лицом к лицу с самой странной рыбой из всех, что видел в своей жизни. Она была не меньше взрослого мужчины, до жути плоская, и оба выпученных глаза были на одной стороне головы.

– Палтус, – сказал Орво. – В твоём лесу такие не водятся?

Торак пропустил это мимо ушей.

Стоянка Нарвалов располагалась в дальнем конце места встречи племен, и там было на удивление тихо – ни разговоров, ни смеха, даже собаки не подавали голос.

Над берегом установили пять пар китовых челюстей, каждая пара поддерживала лодку, которая вмещала шесть охотников. Какой-то мальчишка смешивал уголь с подкожным жиром, а старик рисовал полученной краской на борту лодки моржа, видимо для удачи в охоте. Торак заметил, что у старика не хватает трех пальцев, и предположил, что тот их отморозил.

На берегу голые по пояс мужчины разделяли тушу моржа, а женщины обрабатывали шкуру. Такой толстой шкуры, как у моржа, Торак не видел ни у одного существа. Женщины разрезали ее с огромным трудом, затем чистили скребками из черного кремня, а после этого заготавливали, натирая сваленным неподалеку толченым мозгом моржа.

Одна женщина стояла в чане из сыромятной кожи с мочой и разминала тюленью шкуру босыми ногами. Ее товарки плели веревки – нарезали кожу спиральными полосками и жевали их, чтобы стали гибкими и не трескались. Все женщины коротко стриглись и одевались в поеденные червями балахоны, и лица у них были мрачными. При появлении Орво они испуганно отходили с пути. Одна девочка с усохшей рукой не успела отойти, и Орво точно оттолкнул бы ее, если бы Торак не успел схватить его за плечо.

– Она ничего не сделала!

Орво зло стряхнул его руку с плеча:

– Полулюди уходят с дороги – это закон!

– Что?

– Полулюди, женщины!

Девочке с виду было лет десять. Она напонила Тораку встревоженную белку – пухлые щеки, зубы чуть выпирали из-под верхней губы, в которую был продет костяной диск. Девчонка посмотрела на Торака так, будто не могла поверить в то, что он попытался ей помочь. И она продолжала смотреть ему в спину, когда он пошел дальше к убежищу Нарвалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.